

ПОТЕРЯ ПРИВЯЗАННОСТИ И ПРОРАБОТКА СКОРБИ В РЕПАРАТИВНОЙ ТЕРАПИИ

ДЖОЗЕФ НИКОЛОСИ*

Фаза гендерной идентификации в процессе онтогенетического развития характеризуется всплеском желания, сопутствующим стремлению ребенка достичь половой компетентности. Когда на этой стадии случается сбой, идентичность так или иначе повреждается. Проработка скорби помогает взрослым клиентам преодолеть это повреждение.

Ключевые слова: мужская гомосексуальность, нарциссическая семейная модель, потеря привязанности, гендерный дефицит, репаративная (конверсивная) психотерапия, работа со скорбью.

Для понимания феномена мужской гомосексуальности, в основании которого лежит неудача в построении отношений привязанности с родителем того же пола, определенное значение имеет модель трехсторонней нарциссической семьи. Правда, работая с пациентами-мужчинами, которых отличает влечение к своему полу, нам далеко не всегда в качестве фундамента этого явления удастся обнаружить нарциссическую семью. Однако, в клинической работе с мужчинами, которые хотели бы преодолеть гомосексуальные влечения, мы нередко находим доказательства ее существования.

В нормальных семьях дети знают, что они важны сами по себе; они ощущают, что их нужды и чувства важны для родителей. Что касается нарциссичных родителей, то, действуя заодно, «в команде», они часто не

* Джозеф *Николоси* (*Joseph Nicolosi*) – доктор философии, основатель и директор Психологической Клиники Фомы Аквинского, один из основателей NARTH (Национальной Ассоциации Исследований и Лечения гомосексуальности). Известный лектор, ведет частную практику (Энчино, Калифорния).

Публикуемая статья – *Attachment Loss and Grief Work in Reparative Therapy* – перепечатка с сайта NARTH <http://www.narth.com/docs/attachloss.html> с последующим переводом на русский язык.

видят в ребенке самостоятельную личность с присущими его полу особенностями. Такие родители не проявляют понимания, не создают в семье эмоциональную среду, способную поддержать в их сыне развитие мужского «я».

«Обесценивание» маскулинности либо «неспособность ее извлекать»

Недавние биологические исследования позволяют предположить, что у некоторых мальчиков, еще во время их пребывания в утробе матери, по причинам, которые не вполне ясны, происходит неполная маскулинизация мозга. Когда такие дети достигают возраста двух лет, а именно – проходят через фазу формирования половой принадлежности, «всплеск желания» достижения мужской компетентности будет у них гораздо ниже, сравнительно с обычными детьми мужского пола. Такой мальчик может не развить в себе мужскую идентичность, особенно если родители не были озабочены тем, чтобы активно «извлечь» ее из ребенка. Родители данного типа могут и не обесценивать попытки сына в его стремлении стать мужчиной; они просто не смогли по-настоящему прочувствовать и оценить *особую* *нужду* мальчика в том, чтобы кто-то активно ему помог развить свой настоящий пол.

Проблема неправильной настройки

В нарциссической семье ребенок ценен не сам по себе – он служит «для» родителей, используется, тем или иным образом, в их интересах. В контексте отчетливо различающихся отношений с каждым из родителей и при их участии мальчик приобретает неправильный настрой в своих попытках выработать мужское самосознание. Некорректный настрой проявляется в том, что ребенок часто ощущает себя либо игнорируемым, либо приниженным со стороны отца, тогда как мать манипулирует им, чтобы иметь в нем близкого компаньона.

В таких случаях у ребенка возникает гнев по отношению к самому себе как защита против слабости и неспособности разорвать с матерью связь для того, чтобы приобрести искомую мужскую идентичность. В дополнение к гневу, направленному на себя самого, у ребенка могут вызывать еще и чувство вины по поводу переживаемых им печалей: «Ты расстраиваешь всех остальных», «Нет причин для грусти, тебе не на что жаловаться».

Безуспешные попытки мальчика реализовать свое половое предназначение в структуре нарциссической семьи ведут к потере привязанности. Совокупно влияя на сына, родители причиняют ему травму ненужно-

сти-аннигиляции, о чем он в дальнейшем будет скорбеть как мужчина. По нашему убеждению, это основная травма, которая приводит во взрослом возрасте к гомосексуальным наклонностям.

Темперамент мальчика как ключевой фактор

Темперамент является ключевым фактором в неспособности идентифицировать себя со своим полом.

Какой-нибудь другой мальчик (быть может, даже брат нашего героя), менее чувствительный в плане темперамента, более открытый, эмоционально устойчивый и обладающий сильным характером, сможет с такой настойчивостью добиваться внимания отца, что тому будет достаточно сложно игнорировать такого сына. К тому же, сильный и более открытый мальчик наверняка имеет больше черт, сближающих его с отцом, что делает его более привлекательным в глазах отца. Сильный и уверенный мальчик вряд ли будет устанавливать слишком интимную связь с матерью и, разумеется, не станет искать в ней защиты в качестве средства, позволяющего уклониться от вызовов маскулинности.

Понятно, что его антипод, тот самый эмоционально ранимый мальчик – чувствительный, интуитивный, общительный, мягкий и легко уязвимый – подвергается гораздо большему риску получить травму половой идентичности. В итоге он может просто отказаться от того, чтобы воспринять вызов мужественности. Такие дети нуждаются в *особой поддержке* для того, чтобы оставить комфортный мир матери. Возможно, их отцы не причиняли им травмы, но просто не смогли исполнить ту существенно важную для их сыновей роль, которая заключается в том, чтобы активно вызвать наружу их истинную мужскую сущность.

Потеря привязанности и стыд

Клиенты выражают не только ощущение гендерного дефицита, но также более глубокое, трудно выразимое чувство потери и пустоты. Многие мужчины пытались его по-своему высказать, определяя как чувство безнадежности. Именно это ощущение безнадежности и является источником гомосексуальных импульсов. В нем же лежит источник глубочайшего сопротивления лечению, присущего большинству клиентов.

В аспекте проблемы развития мы можем наблюдать сначала потерю привязанности, а затем и гендерный дефицит. Если гомосексуальность выступает формой потери привязанности, тогда встает вопрос: «Почему одни дети, испытывающие нетвердую, шаткую привязанность, в конце концов, адаптируются к потере, а другие идут по иному пути, развивая неадаптивные защиты против нее?» В поиске ответа необходимо, прежде

всего, понять, что защита ребенка сама по себе еще не является гомосексуальностью, выступая лишь в *дефиците гендерной идентичности*. И только впоследствии человек будет бессознательно пытаться восстановить ее путем гомосексуального поведения.

Один из клиентов рассказывал о себе следующее:

«Посещение порно-сайтов для геев каждый раз открывало мне, насколько глубоко я нахожусь в депрессии. Я понял также, что знал о том, что у меня депрессия, но не делал ничего, чтобы ее снять. Власть образов гей-порно отражает мою собственную неадекватность. Картинка влияет не потому, что на ней изображен некто, но потому, что я *кем-то не являюсь*. И я могу пойти и отвлечься, став тем, кем является он, либо столкнуться с болезненной реальностью, признав, кем не являюсь я сам».

Стадия гендерной идентификации, как и многие другие стадии развития ребенка, отмечена желанием достичь определенной половой компетентности. Однако вместе с этим биологически обусловленным желанием на исход дела влияет и примешивающийся нарциссический элемент. Когда на данной стадии развития происходит сбой, то человек становится особо уязвимым к стыду. Такое понимание гомосексуальности заставляет видеть в этом явлении не просто гендерный дефицит, но также глубокую травму идентичности. Данный факт подводит нас к мысли о проработке скорби.

Скорбь и корректирующий опыт в терапии

Человек, которого приводит к специалисту проблема его гомосексуальности, проявляет психологические черты, характерные для всех клиентов, охваченных патологическим переживанием скорби. Сюда относится комплекс симптомов, выступающих в чрезмерной зависимости личной самооценки от мнения других людей, в слабой эмоциональной адаптации, чувствах нестабильности и незащищенности, сложности в установлении и поддержании длительных интимных отношений, наконец, в мыслях о самоубийстве. Эти симптомы являются защитой против неотступных переживаний, связанных с *потерей естественной привязанности* к обоим родителям. Горькая насмешка заключается в том, что человек, провозглашая себя «геем» (то есть «веселым», в переводе с англ.), на самом деле подобным образом лишь строит защиту от скрывающейся за всем этим глубокой печали.

В последующем терапевт попытается предложить «корректирующий опыт», став для данного человека «хорошим родителем». Он не будет его наказывать, но будет стараться выслушивать, понимать, безусловно придавая значимость упомянутой выше скорби. Предстоит также признать и

интерпретировать первичную защиту клиента, которой является ожидание быть пристыженным за ощущение произошедшей потери. Важнейшая функция стыда – защита от скорби. Легче винить себя (и проводить всю оставшуюся жизнь, наказывая себя за то, что не чувствовал любви), чем столкнуться с реальностью, признав, что «точная настройка» с родителем не произошла, что не удалось сформировать привязанность по отношению к родному отцу. Клиенту необходимо открыто поделиться с терапевтом страхом стыда для того, чтобы начать процесс выздоровления.

Глубокой проработке печали часто препятствует глубоко укоренившееся сопротивление, обусловленное именно той невероятной силой боли, которая вызвана потерей привязанности. Многие клиенты при этом чувствуют, что если они начнут выражать свою боль, то, буквально, могут умереть. Это чувство укоренено в биологии и присуще групповому поведению млекопитающих. Отторгнутый член стаи с полным основанием чувствует, что он, действительно, не выживет в одиночку.

Не самая боль, а страх боли – основной источник сопротивления в проработке скорби. И это безысходное чувство, сопутствующее стрессу, понятно, потому что с самого раннего детства отделение означало аннигиляцию, потерю существования. Сейчас, будучи взрослым, клиент во время терапии все еще не уверен, что он может соприкоснуться с этой глубокой болью и при этом выжить. Таким образом, не переживание заново травмы, а именно страх пережить ее обуславливает сопротивление.

К проработке печали следует идти через жалобы, присутствующие «здесь и сейчас», в настоящем, а также через внутренние конфликты, которые клиент сам видит в себе. Эти конфликты нередко связаны со стыдом за предпринятые и неудавшиеся попытки укрепиться в маскулинности. Когда эти конфликты затрагиваются, они ведут клиента к более глубоким эмоциям. Когда клиент позволяет себе почувствовать печаль и пустоту, связанную с потерей привязанности, на поверхность чаще всего выходят печаль и гнев.

Следующая стадия терапии требует интеграции потери в личную историю жизни. Сейчас, став взрослым, клиент, испытывающий влечение к своему полу, может воссоздать ясный и связный нарратив, отчетливо осознавая в данный момент, что там, в прошлом, произошла потеря привязанности.

Разрешение конфликта

Разрешение предполагает, что клиент должен теперь решиться жить в реальном настоящем, строя реальные планы относительно будущего. Он выбирает здоровое отношение к реальности, включая людей, которые

составляют в настоящий момент его ближайшее окружение, не ожидая от них, что они станут лучше, чем были прежде или являются сейчас. У него больше нет того невыраженного нарциссического «права», по которому окружающие должны компенсировать ему травмы прошлого.

Проработка скорби делает клиента более человечным. Это достигается за счет отказа от привычных механизмов, которые служили защитой от чувства унижения. Работа со скорбью является, по сути, напряженной борьбой между двумя, чреватými закомплексованностью, аффектами – стыдом и страхом, с одной стороны, и двумя подлинными аффектами – печалью и гневом.

Для разрешения конфликта требуется принять потерю, включив ее в свою схему жизни, найти ей место в своем мировоззрении и жизненном нарративе. Этот нарратив требует правильного понимания самого себя сегодня. По мере того, как клиент сталкивается с собственными иллюзиями и искаженным видением реальности, он одновременно выражает любопытство по поводу собственной идентичности: «А кто же я на самом деле, если отбросить это ложное «я»?

Разрешение конфликта является катализатором личного роста, трансформирования идентичности, а также установления новых путей взаимоотношений. Это означает, что нужно вырастать из эмоциональной изоляции и постоянного одиночества, заново вкладывая силы в построение естественных отношений с лицами того и другого пола. По мере того, как способность к подлинной близости увеличивается, иллюзорная привлекательность однополых отношений становится все более очевидной.

Перевод с англ. В.С.Стрелова¹

¹ *Стрелов Владимир Сергеевич* – аспирант кафедры социальной педагогики РГСУ.